

НЕАФФИКСАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В МОНГОЛЬСКОМ И ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКАХ

Б.Даваасүрэн¹

Язык каждого народа воплощает в себе богатое духовное наследие, которое привлекает интерес не только носителей данного языка и культуры, но в то же время и зарубежных ученых и исследователей. С каждым новым исследованием, открытием решаются не только определенные проблемы и вопросы изучаемого языка, но и множество вопросов и аспектов другого языка и культуры. Монголы, почитая тибетский язык как свой второй литературный язык, знакомились через него с древней культурой не только Тибета, но и Индии и других стран Востока. Даже в XIII вв. по приказу Хубилай-хана был создан институт по переводу тибетоязычных литературных и религиозных трудов на старомонгольский язык.

С распространением буддизма на территории Монголии на первый план вышла дословная переводная тибетская литература религиозного и отчасти художественного характера, которая развивалась по своим законам и сейчас доступна лишь узкому кругу специалистов. Язык и стиль таких произведений при этом во многом отличаются от языка и стиля оригинальных монгольских сочинений на старописьменном языке. Среди произведений, переведенных с тибетского языка на монгольский язык с конца XIII в. до конца XVI в. помимо дословных канонизированных переводов часто встречаются и литературные вольные переводы. Однако, начиная с конца XVI вв., уже преобладают дословные канонизированные переводы. Это является свидетельством того, что буддизм, в том числе и тибетский язык, начал оказывать свое существенное влияние в первую очередь на монгольский язык.

Вообще морфологическая структура монгольского языка, хотя она считается более изученной по сравнению с тибетским языком, до сих пор имеет множество спорных и до конца не решенных моментов. Это обуславливается тем, что до середины 90-ых годов прошлого столетия морфология и также ее структура изучалась только на основе описания внешней формы. Об этом в свое время писали такие ученые лингвисты, как акад. Б.Ринчен, акад. Ш.Лувсанвандан. С этой связи нам хотелось бы отметить слова акад. Б.Ринчена [1967. С., 8] «... *Прокрустын оронд монгол хэлээ албаар хэвтүүлэхгүй, өөрт нь байгаа зүйтогтоол, учир зүйгий нь олж мэдэхийг эрмэлзэн хүсдэг болж ирлээ*».

‘... Стараюсь свой монгольский язык нарочно не уложить на Прокрустово ложе, а стремлюсь выявить суть и закономерности, присущие самому монгольскому языку’. И в наше время об этом тоже говорят современные монгольские ученые лингвисты, такие

¹ МУИС-ийн Монгол хэл, соёлын сургууль.

как акад. Т.Дашцэдэн, акад. Д.Төмөртоогоо, проф. Ц.Шагдарсүрэн, проф. Ш.Чоймаа, проф. Ц.Өнөрбаян.

На сегодняшний день становится актуальной проблема изучения взаимовлияния, сходства и различия этих двух языков и культур.

Поскольку данная проблема ранее ограничивалась областью изучения лишь заимствований, то назрела необходимость расширить круг исследований в этой области, и приступить к сопоставлению грамматического строя монгольского и тибетского языков.

В данной статье нам хотелось бы, вкратце рассмотреть вопрос о конверсии как один из способов словообразования монгольского и тибетского языков.

Конверсия — это один из способов словообразования в монгольском и в тибетском языке. В последнем, т.е. тибетском языке можно сказать, что является очень продуктивным способом. Иными словами одно и то же слово-слог в тибетском или один и тот же корень слова в монгольском языке могут перейти от одной части речи в другую без использования каких-либо словообразовательных аффиксов, т.е. не меняя свою форму. Поэтому в тибетском и монгольском языках, когда словоформа стоит вне предложения, судить о частях речи весьма затруднительно (если конечно не условно), тогда как этого мы не наблюдаем в индоевропейских языках. Сравните, например: монг. *Нэг залуу иржээ*. ‘Один парень пришел’ (где слово *залуу* ‘парень’ идет как существительное) и монг. *Нэг залуу хүн иржээ*. ‘Один молодой человек пришел’ (где слово *залуу* ‘молодой’ стоит перед существительным *хүн* ‘человек’ и выполняет функцию прилагательного), а в русских же переводах мы не наблюдаем такой трансформации, т.е. даже по форме слова мы не можем узнать в первом случае существительное, а во втором как прилагательное. Даже в том случае, когда прилагательное в русском языке выполняет функцию подлежащего (как существительное). Например: рус. *Больной выздоровел*, где слово *больной* даже вне предложения сохраняет свою самостоятельность быть прилагательным по сравнению с монгольским или тибетским языком. Итак, в монгольском языке нами были выявлены следующие способы конверсии. Словоформа может трансформироваться:

1) от существительного к глаголу (в связи с этим встает иной вопрос, что первично, т.е. сначала был, глагол и потом путем конверсии образовалось существительное или же наоборот все-таки появляется предмет и потом это же понятие трансформируется в глагол. Мы придерживаемся последнего, другими словами, в начале появляется слово, выражающее что-то и потом появляется действие (или глагол), выражающий это что-то. Но хочется отметить, что это мнение ограничивается только в пределах понятия о трансформации словоформы от одной части речи в другую и не более этого.)

2) словоформа может быть прилагательным или существительным.

3) прилагательное или глагол.

Далее мы попытаемся на примерах более подробно описать наше видение.

1) существительное или глагол. Например: монг. *хэл* ‘язык’ и монг. *хэл-* ‘говорить, разговаривать’ (СтПМЯ *kele*). Теперь эти же формы слова рассмотрим в составе предложения, как, например: монг. *Хэл бол ертөнцийг харах цонх мөн*. ‘Язык — это окно в мир’ и сравните монг. *Энэ үгийн орчуулгыг орос хэлээр хэл*. ‘Скажи перевод этого слова на русском языке?; монг. *өт* ‘червь’ и монг. *өт-* ‘сгнить червями’ и сравните в предложениях монг. *Хонины доглосон хөлөнд өт байхыг үзэв*. ‘Увидел

червей в больной ноге барана’ и сравните монг. *Хонины доглосон хөл өтжээ* ‘Сгнила червями больная нога барана’ (СтПМЯ *ōtū*). Из этих примеров мы можем сделать вывод, что в монгольском языке при конверсии корень слова и инфинитив глагола могут совпадать, как в слове монг. *хэл* ‘язык’ и монг. *хэл-* ‘говорить, разговаривать’; или монг. *өт* ‘червь’ и монг. *өт-* ‘гнить’; или монг. *чимхэ* ‘горсть’ и монг. *чимхэ-* ‘щипать’

2) прилагательное или существительное. Например: монг. *залуу* ‘молодой’ и монг. *залуу* ‘парень’ (СтПМЯ *jaluu*) и сравните в следующих предложениях монг. *Нэг залуу хүн ирэв*. ‘Пришел один молодой человек’ и монг. *Нэг залуу ирэв*. ‘Пришел один парень’ или монг. *сайн* ‘хороший’ и монг. *сайн нь* ‘хороший’ (СтПМЯ *sayin*). И сравните в предложениях монг. *Сайн хүн сарны гэрэл*. ‘Хороший человек, подобно лунному свету’ и сравните монг. *Сурагчдын дунд сайн нь олон байв*. ‘Среди учащихся хорошистов превышало в количестве’. Таким образом, путем постановки после словоформы частицу безличного притяжения 3-го лица можно трансформировать прилагательное в функции существительного, например: монг. *муу* ‘плохой’ и монг. *муу нь* ‘плохой’ (в значении подлежащего). Это подобно тому, как в английском языке при конверсии употребляются частицы *to*, *a*, *with*.

3) прилагательное или глагол. Например: монг. *гоё* ‘красивый’ и монг. *гоё-* ‘украшать, наряжаться’ (СтПМЯ *γouu*). И сравните монг. *Наадмын талбайд гоё хувцас өмссөн хүмүүс ийш тийш холхино*. ‘На празднике надам красиво одетые люди передвигались в разные стороны’ и монг. *Чи наадах ноорхой хувцсаа сольж өнгөтэй өөдтэйгээрээ гоё гэж аймгийн дарга миний өмнөөс ...зовсон байдалтай хэлэв*. ‘Председатель аймака видимо переживал за меня и сказал: «Тыними эти свои дряные шмотки и нарядись получше»’.

Как мы видим, конверсия в монгольском языке является безаффиксальным способом словообразования, при котором слово, не меняя свою форму и в то же время сохраняя свое значение, переходит от одной части речи в другую. Поэтому только в контексте в зависимости от того, каким членом предложения является та или иная словоформа или к какому слову относится, можно судить о частях речи, к которому они относятся. Например, в монгольском языке, если словоформа стоит перед существительным, то является прилагательным или определением, как монг. *гоё хувцас* ‘красивая одежда’, а если это же слово стоит в конце предложения, то, как глагол монг. *Тэр гоёжээ*. ‘Он нарядился’. Или, например: монг. *чимх гурил* ‘горсть муки’ (букв. мука взятая большим и указательным пальцами) отсюда и глагол *чимх-* ‘щипать’ (действие щипать делается большим и указательным пальцами) и монг. *Хүүхэд чимх-* ‘Щипать ребенка’ и т.д. Это можно проследить и на примерах других языков. Например, в английском языке словоформа *round* в зависимости от частиц, стоящих позади или спереди переходит от глагола к существительному, прилагательному. Например: англ. *to round* ‘кружиться’ (глагол); англ. *a round table* ‘круглый стол’ (прилагательное); англ. *round the table* ‘вокруг стола’ (предлог). Как мы видим, в процессе конверсии словоформа сохраняет следующие признаки:

1) форма слова или корень слова не меняется. При конверсии корень существительного или прилагательного совпадает с глаголом в повелительно-желательном наклонении или другими словами с инфинитивом глагола, как, например: монг. сущ. *шанал* ‘страдание, мука’ и глагол в повелительно-желательном наклонении

3. От глагола к прилагательному. Например: тиб. རྒྱུད་ *rgud* ‘приходить в упадок, скудеть, ослабеть’ རྒྱུད་ *rgud* ‘оскудельный, слабый’. И сравните в следующих предложениях, например: тиб. བློ་གྲོས་ཆེན་པོ་རྒྱུད་ན་ཡང་བློ་ན་པོ་འཇུག་པའི་ལམ་མི་འགྲོ་ *blo gros chen po rgud na yang. blun po 'ajug pa'i lam mi 'agro* ‘Хотя мудрец ослабнет, но не пойдет по дороге глупца’, монг. *Ухаантан хэдий доройтовч тэнэгийн орсон замаар үл явах*, и тиб. མི་རྒྱུད་ལ་ཕན་བྱེད་དགོས་ *mi rgud la phan byed dgos* ‘Нужно помогать слабому человеку’, монг.

Дорой хүнд тус үйлдэх хэрэгтэй.

В монгольском и тибетском языках способ конверсии совпадает не только синтаксически, но и по способу образования. Также нужно заметить, что словоформа переходит от одной части речи в другую и подразумевается, как существительное или прилагательное или, как глагол, только в том случае, если словоформа употребляется в предложении. Тогда, как, например, в английском языке, если к словоформам *salt, round, hand*, присоединить частицы, например *to*, то даже вне предложения, могут, относиться к определенной части речи. Например: *salt, to salt, to round, around, the hand, to hand*.

Поэтому в монгольском и тибетском языке вопрос заимствования на самом деле сводится до минимума. Так как в этих языках исторически уже выработались готовые слова материалы с помощью, которых можно выразить любые понятия, любой сложности, т.е. не прибегая к заимствованию иноязычных терминов. И по сравнению с аффиксальным способом, при аналитическом способе образования новых слов, термины и понятия, о котором идет речь, выражается более реально. В силу того, что при таком способе образования слов, понятия выражаются объясняюще. Значит между предметом и аналитической формой слова, которая выражает этот предмет, есть связь. Например: тиб. གཤེད་འགྱུར་མཁན་ *gser 'agyur mkhan* ‘алхимик’ (человек, превращающий в золото) и монг. *алт болгон хувиргадаг хүн*; тиб. ཟུང་ཁང་ *za khang* ‘столовая’ (место, где кушают), монг. *хоолны газар*; тиб. བླ་གུང་མེད་པའི་ནད་ *khrag nyams pa'i nad* ‘анемия’ (болезнь от малокровия), монг. *цус багадах өвчин*; тиб. མིག་ཤེལ་ *mig shel* ‘очки’ (стекла для глаз), монг. *нүдний шил*; тиб. ལྷུ་མེད་ *chu ser* ‘гной’ (букв. желтая вода), монг. *идээ шарх*; тиб.

ཁྱིམ་ཕྱོད་ནང་ *khyim sdod nad pa* ‘инвалид’ (букв. больной сидящий дома), монг. *тахир*

дутуу хүн и т.д. Или, например, названия предметов или вещей, которые ранее не использовались монголами, как, *цахилгаан зуух* ‘плитка’ (букв. электрическая печь); монг. *хайруулын таваг* ‘сковорода’ (букв. тарелка поджарка); монг. *гал зуухны өрөө* ‘кухня’ (букв. комната огня и печки) и т.д. Как мы видим, существует связь с теми предметами или понятиями, которые они выражают. Тогда как слова ‘алхимик, столовая, анемия, очки, гной, инвалид’ на самом деле не выражают суть понятия, которые они представляют. Только ассоциация, выработанная годами у носителей данного языка или людей, владеющих русским языком, позволяет понимать под этими словами формами, те понятия, которые закреплены к этим словам. Или другими словами, это есть вербальный тип мышления, которое основывается на условности. А

при аналитическом способе образования слов, т.е. при невербальном типе мышления два или более самостоятельных по значению слова присоединяясь, образуют одно единственное целое понятие, которое не подлежит разбору. Также при образовании аналитической формы глаголов, когда участвуют две самостоятельные по значению глаголов, носителями языка, никогда не понимаются, как две разные действия, совершенные одним субъектом. Например: монг. *унишиж өг* ‘прочитай’ (букв. *униши- ‘читать’ өг- ‘давать’*); *хэлж өг* ‘подскажи’ (*хэл- ‘говорить, сказать’, өг- ‘давать’*) и т.д. Одной из причин такого способа образования аналитической формы глагола в монгольском и тибетском языках, является не состоятельность выражать две разные времени на ординарном форме глагола в этих языках. Поэтому последний глагол аналитической формы глагола теряет свое самостоятельное значение и употребляется в качестве вспомогательного глагола и тем самым берет на себя функцию, указывать одно из времен. Например: монг. *гүйж ирсэн, гүйж иржээ* ‘прибежал’ (указывает настоящее-прошедшее время); монг. *гүйж ирнэ* ‘прибежит’ (указывает настоящее-будущее время). Тогда, как в русском языке за счет внутренней флексии глагол ‘прибежал, прочитал’ и т.д., может указывать две разные времени. А ординарное употребление, как монг. *гүйсэн, гүйжээ* ‘побежал’ или монг. *гүйнэ* ‘побежит’, указывает само действие ‘бежать’, только в будущем или только в прошедшем времени.

Подобным образом понятия, как о числе, падежах монгольского языка в монголоведении зачастую рассматривались, только в описательном плане или с точки зрения другого определенного языка, которая подходила до какой то определенной границы, (язык, как система) а не выявляла специфику и строя монгольского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Владимирцов Б.Я. Об одном окончании множественного числа в монгольском языке. Доклады Академии наук.
2. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
3. Грайворонский В.В. Вклад монголызычных народов в мировую цивилизацию. История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1993.
4. Гюстав Гийом Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
5. Дамбуева П.П. Типология модальности и средства ее выражения в бурятском и русском языках. Улан-Удэ, 1999.
6. Дондуков У.-Ж.Ш. Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ 1993.
7. Дондуков У.-Ж.Ш. О парном словообразовании в монгольских языках. УБ., АН МНР, 1966.
8. Ешке Х.А. Грамматика тибетского языка. Улан-Удэ, 1991.
9. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М., 1965.
10. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961
11. Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык. М., 1970.
12. Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991.
13. Рерих Ю.Н. Тибетский язык. М., 1961.

14. Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь.(11 томов) М.,1987.
15. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М.,1959.
16. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.,1964.
17. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.,1951. 188 с.
18. Трофимова С.М. Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ, 2001.
19. Щерба Л.В. Что такое словообразование. М.,1962.
20. Дашцэдэн.Т Орчин цагийн монгол хэлний нэрийн тоо. (Эрдэм шинжилгээний бүтээл) УБ., 1981.
21. Дорж Ц Түвэд хэл бичигт суралцах хоёрдугаар дэвтэр. УБ., 1965.
22. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. (Үг нөхцөл хоёр), УБ., 1968.
23. Лувсанжав Чой. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. М., 1971.
24. Өнөрбаян Ц. Орчин цагийн монгол хэлний үгзүй. УБ.,1995.
25. Өнөрбаян Ц. Монгол хэлний үг бүтэх ёс. УБ.,1978.
26. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. Дэд дэвтэр. (Авиан зүй) УБ., 1966.
27. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. Дөтгөөр дэвтэр (Өгүүлбэр зүй) УБ., 1967.
28. Төмөртоого Д. Монгол хэлний түүхэн хэлзүй. УБ.,1995.
29. Тэрбиш Л. Төвд хэл бичигт суралцах дэвтэр. Дээдийн номонд орохуй үүд. УБ.,2000.
30. Чоймаа Ш., Бүрнээ Д. Төвд хэл бичигт суралцах дэвтэр. УБ.,1992. 293 с.
31. Шагдарсүрэн Ц. Монгол үсэгзүй. УБ.,1981
32. Шагдарсүрэн Ц. Монголчуудын утга соёлын товчоон. УБ.,1991
33. Шагдарсүрэн Ц. Монголчуудын үсэг бичигийн товчоон. УБ.,2001.

SUMMARY

In this article, the author discusses the word formation and the non- derivational affix ways (the analytical method) of word formation Mongolian and Tibetan languages.

The world view of Mongolian and Tibetan people, their knowledge for environment and how they express their knowledge through language can be seen from the words which formed by non-derivational ways of the word formation.